
Александр Чанцев

В кавычках

Рассказ

Океанский берег — песок играет в го.

Чем ближе были, тем дальше ушли. Старые мэйлы, как ворох похоронок.

«...Я могу увидеть во сне, как когда-то учился ходить. Да только ничего это не даст. Я умею ходить, а вот учиться ходить — это мне уже не дано» (Вальтер Беньямин. Берлинское детство на рубеже веков).

Ребенок изобретает мир. Тот, как большая добрая собака, подыгрывает.

Человек и рукопись — читать потом пепел.

Люблю смотреть в транспорте на людей — пытаться догадаться, кто где работает. Младшим патологоанатомом, продавцом винтажных кукол, айтишником баннеров на порносайтах, в какой-нибудь хитрой СБ? Должности, которые и не знаешь? Так ездил и ездю до сих пор до метро с седым мужчиной, которого увидел, устроившись ненадолго в международку одного министерства. Так с не самой первой попытки угадают и мой японский.

Не поехал на дачу. И действительно, все выходные шел дождь, и было холодно. Хоть что-то в жизни сделал правильно.

Королевская свадьба в Англии. Кто раньше бы в лучшем случае развлекал поваров, все эти певцы, телеведущие, актеры и спортсмены, сейчас гости сами. И весь мир смотрит это, переживая приобщение к мечте. Скоморохи продолжают развлекать чернь.

Тонкие трещинки в небе заделаны герметиком облаков. Болячки сковыривает ветер.

Александр Чанцев родился в 1978 году. Японец, критик-эссеист, прозаик. Закончил ИСАА МГУ, стажировался в Японии, кандидат филологических наук. Автор шести книг, сборник прозы «Желтый Ангус» вышел в 2018 году. Работает в сфере российско-японской бизнес-дипломатии.

У диабетиков повышается к утру уровень сахара, у меня — тоски. К врачам часто, как по абонементу на концерты. Безднадежность, тэг каждого дня.

Смерть отнимает заранее. Обесмысливает все, но когда-то и она имеет смысл. Например, жил бы вечно Шекспир — в виде оцифрованного мозга или еще как. Раскрыл бы тайны жизни и трактовки своих произведений, сделал никчемными попытки прочих драматургов и всех. Только конечность и обреченность придают смысл?

Столько было сказано, все и по несколько раз. Мы должны изобрести что-то кроме слов.

Цветы распускаются на глазах, прямо как дети растут. Почему во всех почти религиях есть медитация на.

Ноготь улитки
Подцепляет лист
Уховертка дождя

Забывтый труп утопленника покачивался в казавшемся слишком маленьком для него пруду, почти болотце, большой надувной детской игрушкой. Когда воскреснут все метафоры.

Я выключаю свет, и ко мне приходят мои мертвые. Как вокруг постели заболевшего ребенка собираются. (Тайная вечеря, да Христа не ждут.)

Попкорные взрывы куста жасмина.

Кризис среднего возраста ужасен. А я-то еще и в 30 лет шутил, что вот он у меня... Но с такой логикой — еще сильнее будет — кризис смерти. (То, что Даниил Андреев сильно мучился в агонии, кому-то дало основание говорить, что-де демоны забирали, но — не видел ли визионер предстоящее за жизнью, не было ли это последним вестничеством?) После жизни ад, как настоящий пистолет после детской игрушки.

«Ибо любовь есть оковы оков» (Дж. Бруно). Голым от любви на небо прийти, в крестильную рубашку облачась.

Засыпаю я часто, отложив книгу. И — продолжаю читать во сне, в падении в сон. Строчка за строчкой, несколько страниц. Мозг явно генерирует текст, похожий на только что прочитанный. И только уголком сознания понимаешь, что читаемое — в кавычках сна. Но я все равно хотел бы взглянуть на эти страницы.

Понял, что в современном мире мне только нравится. Меньше бумажек и формальностей из-за интернета и цифровых технологий. И что при наличии жизненной мотивации/сил/времени/денег можно попасть на любой концерт, в любую страну и даже купить почти любую книгу.

В Молдове под навесами распятие и Христос. Скворечники с бандеролью от Бога, корм человеческих птиц.

Окна — грибница для заката.

Повсеместное вхождение слова «ушел» вытеснило «умер». Ушел, но, может быть, еще вернется? При этом «пришел» о родившихся нет. Почему пошлость чаще касается смерти?

Иногда мы больше теряем друг друга в любви, чем в смерти.

Молочную испарину рассветного тумана солнце сдувает с луга, как пот со лба заигравшегося ребенка.

Всегда завораживали миграция и конечное упокоение вещей (вообще — жизнь в них). Пакеты из японского duty free (чай, кимчи, сладости, сакэ и игрушки в подарок) сначала на даче, тут в них мусор и — на мусоросборнике. Где-то под Клином, местным бомжам или воронам-лисам.

Идея акции — под купол огромного готического храма пустить в слабых динамиках чей-то разговор по телефону. Долгий и личный. Или короткий, деловой, и тишина. Внимать человеку, как Богу.

Ты засыпаешь, и сознание уходит. Потом оно возвращается. И так много-много раз. А потом уходишь уже ты, оставаясь лишь запахом в лужах и листьях, и дыхании воздуха над ними. И так тоже будет много-много раз. Пока ты не поймешь законы несущего все ветра. Или ветер не поймет тебя. И отпустит туда, где никто из вас еще не был.

Куда идет дождь? Слабый оттиск неба на земле.

Снилось, что учу корейский с довольно вредным, но смешливым корейским монахом. Вынырнул из сна с одним запомненным словом «кинджио». Жаль, что не со всем словарем.

Чем хуже в жизни, тем ярче сны.

Дети падают — учатся ходить, старики падают — учатся лежать. У славян это называлось скакухой.

Лето — желток года, там маленький Иисус живет.

Они умрут — никто не вспомнит, каким ты был в детстве. Они дали, они и забрали.

«Любовь, подобная падающей звезде» называется книга тюремной переписки Хоцуми Одзаки, соратника Зорге, с женой.

Поезд прибывает вовремя — поезд пробует и даже прободает время.

Со сложными людьми — сложно, с простыми — невозможно. У святой простоты — ни слова в простоте.

Молчание — иногда единственная сила, что у нас есть. И утешительная тишина.

«Семь столпов мудрости» Лоуренса Аравийского напоминают — «Дюну». Такие же космические пустыни и фантастическая логика поступков.

Цветок — из горшка, человек — в урну джинном вспять.

Что бы я поменял, вернувшись в прошлое? Женился бы на той, не отказался бы от работы там? Покончил бы с собой на выходе из детства, когда я был собой, всем и — все были тут, рядом, на даче. Живыми.

Тяжесть полета бабочки под дождем — думаешь о метафоре.

Где-то в этом районе сожгли собаку. Бомжи? Подростки? Хозяин? Никто не знает, конечно, но труп лежал пару дней, стыдливо полуприкрытый какой-то ветошью.

Потом его утащили на чем-то, похожем на простыню, таджики. Может, это и была простыня. Небольшая детская или собачья простыня. Запах остался. Запах всегда остается. Синяк пахнет углом стола. Загар — отпускными фотографиями. Фиолетовые обои — небом перед грозой. Запах — это такая месь. Или метафора воздаяния, адом или раем. Как посмотреть. Вот телефонные звонки тоже пахнут. И музыка в Ютьюбе. Поэтому — район Жареной собаки или, как говорят совсем местные, Корея.

Пару интересных книг подловил, а вот жизнь упустил, как кофе на плите.

(Думая, что большинство настоящих ценностей, если датировать, ценности старомодные, умершие, отмирающие.) Экстраполируя — не смерть ли элитарнее всего? Elite plus black platinum level.

Звезды, этот опять неснятый августовский урожай. Жасмин рисует им ветками указатели на стене дачи, как ребенок на луже.

Меня слишком много для меня. Половины бы хватило. Или даже трети. А вот для жизни, практической «жизни» — меня не хватает.

Наверное, вокзалы, больницы, кладбища более экзотичны, но их не наблюдал так, как парк, в котором офисный особняк. Юноша, который идет на работу, когда я в 9 подхожу к офису. Он же ходит кругами по парку и в 10, когда выхожу курить, и в 11. Прилично одетый, с интеллектом в глазах, явно даже не младший менеджер. Это моцион, он вообще без работы, но скрывает дома, будто уходя, как герой М.Дугласа в «С меня хватит»? Или пожилая женщина и ее 45-примерно-летний сын. Они каждый день приходят на одну и ту же скамейку, курят и читают, совершенно молча, часа два, потом уходят. Он тоже не работает? Они так близки? Но почему тогда не обмолвятся и словом? В парке растут истории людей, они вплетаются в меня, как деревья в ветер.

Взрослые и серьезные офисные люди пишут со смайликами. Так выбегают из офиса в письмах?

Бабушка в бреду старости: «Зачем ты едешь так далеко домой, если вокруг много домов?»

На небе есть тени и румяна. Косметика прикрывает суть, как жизнь — то большое, ясное и пустое, что за ней.

Исчерпанность неба Большой Медведицей.

Банальные вкусы в порно и любви.

С миру по нитке — мертвому рубашечка.

«"Полет валькирий" длится примерно столько же, сколько нужно американской баллистической ракете, чтобы долететь до Европы (с поправкой на темп исполнения — до восточной или западной)», — пишет композитор Борис Филановский в ФБ. А Энди Уорхол говорил именно о 15 минутах славы, потому что тогда часто пугали в прессе, что столько нужно русской ракете, чтобы достигнуть Нью-Йорка. Не зря Бальзак про славу — солнце мертвых.

Дворники играют в керлинг?

Из всех физиологических отправлений человека отвратительнее всего болтовня. Когда примут законы в защиту ноосферы? Созидающее мир божественное Слово и почти физиологическая потребность людей постоянно выделять слова — между этим зажаты, жмутся неуютно, но с маленькой улыбкой. Как зябкие ангелы-дошколята.

Не осознав себя периферией, не стать центром. Лимитрофы создали Рим.

«Мой взгляд провожает меня» (Надаш), а мой — ушедших за пределы взгляда. Ниточкой к детскому зубу взгляд.

Августовский закат на дачных садах, как новогодняя обертка подарков. И Вифлеем елочных звезд потом.

Стук далеких электричек — на горизонте каретка печатной машинки со строки на строку.

Под звездами, этим ослепшим в ожидании пешеходов светофором.

Почему они, всегда делившиеся, отдававшие мне лучшее, не могут поделиться со мной своей смертью?

Паутинка, роса, туман, лучик — утром в саду все в кружевах так же, как и дома в бабушкиной вышивке.

Тело отрывается от души, как осеннее яблоко падает. «В случае, если вас беспокоят прыщи, тот же ученый муж рекомендует подстеречь падающую звезду и в миг ее падения стереть прыщи тряпкой или тем, что попадет под руку. Подобно тому, как звезда покидает небо, прыщи покинут ваше тело». Джеймс Джордж Фрэзер, «Золотая ветвь».

Любовь — даже мастурбировать только на твои фото.

Не стоит недооценивать афоризмы — ими все заканчивается, и большинство эпитафий скучны. «Афоризм или вечность».

Ходящее под себя, не поворачивающееся даже, немое (инсульт) тело умирающего гуманно же. Заставляет ждать смерти — ту, что внутри, и тех, кто вокруг.

Любовь бабушек и дедушек чище, потому что там, в отличие от родительской любви, отступили амбиции, пол и прочее. Приближение.

Когда ее свалил паралич и каждый утренний звонок в больницу ждали конца, в предбаннике у дверей в прохладном подъезде у наших дверей и на них начали висеть бабочки. Чуть ли не гроздьями! Мы даже прогоняли их, чтобы они выбрались на улицу. Но они сидели на и около двери, потом так и засыхали. Продолжая крепко сидеть и потом. Легко было думать, что они вестничают о скорой беде. Но скорее всего, им было просто слишком жарко на улице. Из такой смеси примет и непредсказуемости и ткется медленно смерть, как бабочкино обратное окукливание.

Кто же знал, что мир может быть таким пустым.

Формалин, самый стойкий парфюм мертвых.

Курильщики в окнах кончиками сигарет дирижируют темнотой, постовые ночи.

Видели, как чернеют концы зубных щёток в мокрых стаканах? Уродливее всего гниет пластмасса, разлагается искусственное. Как и человек, самое искусственное в природе.

Отдать человека в чужие руки ритуальных услуг почти так же страшно, как отдать смерти.

Осенний ветер бросает в лицо листья, письма лета возвращает.

Почему при большем, в сравнении с мужчинами, выборе у женщин чаще всего такие вульгарные духи? Как выбрать из всех цветов розовый, а из всех узоров — леопардовый.

«Английский принадлежит всем, кто на нем говорит». В.С.Найпол, «Средний путь. Карибское путешествие».

Черная полоса просто перейдет в траурную ленту.

Тех, кого уже нет, в моей жизни больше, чем тех, кто есть.

Августовские вечерние дачи растут из тумана, как грибы на мху, плывут раскольничьими кораблями. Подоженные чуть раньше закатом тени-головешки.

Человек перед смертью больше спит. А я больше сплю после ее смерти.

Начинать каждый свой день с мысли о самоубийстве — есть в этом чорановский шик. Если бы не было все как есть.

Горшочки «садов Адониса» как дальний родственник бонсаю. Все переплетено и связано. Те же матрешки в России из Японии. Пан так же выманивал Деметру из фиглийской пещеры, как Амэ-но-удзимэ-но-микото — Аматаэрасу побрякушками. Самурай Киёаки вскрыл живот под сосной, синтоистским символом императора, как фригийский Аттис оскотил себя под сосной же, священным деревом великой богини Кибелы (во время посвященного ему праздника первосвященники архигаллы вскрывают себе вены в храме). Бывал ли Иисус в Индии, но могила его в Японии в дальнем сельском храме есть, да.

На даче косил траву и расчищал дорожки таджик Нур. Посмотрел потом перевод имени — «свет». Очищенная земля зарделась слабым светом благодарности?

Умирающая в траве птица не боится людей, только смотрит. Интимность смерти объединяет.

Дробная мелодия панических атак.

Случайно вычитал, что Малапарте был знаком с Булгаковым. Возможно, и с Юнгером? Это был бы самый глубокий и остроумный разговор аристократов духа! Могу, кстати, представить желающих повоевать после Ремарка и Хемингуэя, после Малапарте — нет.

Утром у входа в метро таджик громко окликает негра. Какие-то бизнес-разборки? «Привет!» — «О, привет!» — «Как дела? На работу?» Болтают, смеются, договариваются об ужине вечером. А я чем дольше живу, тем больше чужой город.

Хорошо, когда выходят посмертные книги.

В старости совершенно как в младости (речь, способность ходить, вставать — все в обратной перспективе, в точности). Кризис среднего возраста, как в подростковье (обида на всех, один полностью, лузер). Вырваться бы из рифм.

Смерть занудна.

Не думал, что когда-нибудь буду еще, после школы (проза) и института (нон-фикшн) читать Генри Миллера. Тут взял случайно доставшуюся книгу на английском

— случайные книги святы действительно, как гости-ангелы. Драйвово, как Трокки! «Life was a perpetual black fuck about a fixed pole of insomnia» — короче и не скажешь. Или «music is the can opener of the soul».

Прямо видишь, как кто-то ценит свои лайки на вес золота.

Культурные парвеню и изгои.

Молящийся перед иконой, как ребенок у окна, за которым длинная дорога с матерью.

Как дача зимой? Как мертвые до встречи?

Все мои кости раздроблены внутренним давлением. Поэтому и сидеть люблю, как Гиппиус у Бакста.

«Мы — разговор, покуда живем» Гельдерлина? Не молчанием, не несказанным, но количеством слов измеряются ушедшие люди, валяются они, как грунт грузовиками в отвал, но утекает, как в песочных часах, и все дальше другой берег.

Ищешь медиократию — поисковик сам исправляет и ищет тебе медиакратию, ищешь дромократию — выдает демократию. «Я живу еще только потому, что есть Другое. Я не выношу равенства» (Эйнштейн). «Призрак посткатастрофической эпохи — разрастание одинокой, сошедшей с ума клетки — рак. <...> Рак — это одиночество, не нуждающееся в другом для того, чтобы расти, развиваться и размножаться» (Т.Горичева).

У нее же в «Священном безумии»: «В одном из папирусов, найденных в пирамиде, написано: “Не найдено ни одной жалобы со стороны быка против Н.”».

Таксист: Какой район! Какой трамвайчик! — Вы тут не были? — Был, я живу рядом, просто стараюсь каждый день чему-то радоваться, чтобы чувство не замылилось. — И получается? — Не всегда. Но мы идем правильным путем!

Вот мороженое привезли! О, «Связной»!

Везде встречаю знакомых. Но чем в курилке на полустанке под Токио или в гонконгском метро — в крематории встретить будет покруче, возможно...

Не увидеть все башни Кремля, как и все камни Рёандзи.

Самолетные следы на небе, как стрелки на колготках.

Осенние костры пахнут облаками.

Бабушку и дедушку привезли на дачу. Которую они строили, так любили, жили, дед превратил весь участок в огород образцовый вплоть до экскурсий из Тимирязевской академии. Не весной, правда, а осенью. Но и осенью сажают же. Высыпали, прах их вместе в земле. Такая нам с мамой по отдельности — Ты не удивишься? Я так же и подумал — пришла в конце мысль. Чем общежитие колумбария или могила в чужой земле. Просто прах. Как зола из печки и после костров, которую мы всегда собирали на удобрение. Я прочел молитву, мама посадила цветы. Мелкая фракция, конец сезона.

Младшие братья узбека Нура по-русски почти не говорят. Но зайдя вечером забрать оставленные инструменты, сказали сразу «добрый вечер» и «спокойной ночи». А до этого маме даже — «приятно познакомиться!» А так, не понимая, всегда кивают, улыбаются и соглашаются. Вообще скромные и хорошие, только Нур, их почти прораб и говорящий по-русски, немного хитрый, о деньгах торгуется. И даже один раз

премию сообразил попросить! Вызываю их уже каждые выходные, придумываю работу, чтобы маму отвлечь после бабушки. Началась выдуманная жизнь.

Когда тебя предают, важно не предать себя самого. Не возненавидеть их, себя, не поменять толщину кожи, не.

На фестивале альтернативной виольной музыки (альты, виолы д'аморе, виолы да гамба и другие). «Есть ива над ручьем» Фрэнка Бриджа отсылает, подумал, не только к образу утонувшей Офелии, но и — см. у Киньяра: «А тем временем их отец-музыкант долгие часы проводил за игрою на виоле, сидя на табурете, обитом старинным, стертым до самой основы, зеленым гонуэзским бархатом, в уединении своей хижины. Господин де Сент-Коломб величал ее “vorde”. “Vordes” — ныне почти забытое слово, означавшее влажную кромку берега реки, осененного плакучими ивами».

Подсолнух солнца становится семками ночью.

«...Успею догадаться, что не надо искать, кто меня бросил или кинул: брошенность — моя, и более родной собственности у меня никогда не будет. Если у меня хватит выдержки держаться, я догадаюсь, что здесь вся суть моего человеческого дела» (В.Бибихин. Онтологические основания правды).

Сплошность. Сплошная сплошность.

Ненаписанный листок календаря.

«Жабес, подобно немецким романтикам, полагает, что фрагмент — это наш единственный доступ к бесконечному. Я склонна думать, это наш способ постижения чего бы то ни было. Наши инклюзивные картины суть мозаики». Розмари Уолдроп, «Следует размышление о». Так я и пишу, ничего никогда нового.

Каждый раз, когда я куда-нибудь летел, бабушка звонила накануне и желала мне счастливого пути, быстрее возвращаться. Даже в самые последние дни, когда не всегда меня узнавала. Теперь я впервые полечу без этого.

Ты плод моих увечий. Мы — «различия для четырех рук».

Они могут быть поэтами, потому что во всем видят самих себя. Но они не могут быть поэтами, потому что во всем видят самих себя.

Звезды, тайком приносящие цветы на кладбище мертвых самолетов.

Матрешка оказалась пустой (картина ребенка о первом ужасе Карла Виллинка).

В МФЦ среди прочих постпохоронных документов дали — «справку об одиноком мертвом», одинокое проживание подтверждающую. Весь Беккет в одной справке.

Искусство, особенно сейчас, озабочено новым, религия — старым, поэтому и проигрывает. Интересно было бы, поменяйся они целями.

Все чаще чувствую себя всего лишь коконом бабочки *Depressio*.

Ветер сдувает птиц, сталкивает облака, двигает небом, как экран телефона смахивает. Белые звезды против черного неба, блиц.

Седая Ева танцует в опустевшем осеннем саду. Сад Ирам на зиму.

Фамилия, имя, отчество.
Профессия — одиночество.
П.Зальцман, 1952.

Что ты, баба, что ли, баб бояться?!

Одиночество ест, как ржа.
Горбушка души черствеет.
Мышиная та возня
Стихает, как вечереет.

Читал Гельдерлина. Обычные его стихи почти проглядываешь, написанные в безумии — цепляют и сейчас. Так болезнь разрушила его личность, но сохранила его для времени. «Безумье — сторож, ибо — сторожит» (Рильке).

А через Рильке можно и всего Иоанна Креста — «ночь я, Господи, в ночи Твоей».

«Безысходность — это разум смерти» (Ахмед Хамди Танпынар. «Покой»).

Верблюды, дай им волю, ходят по одним и тем же путям, что и тысячу лет назад.

А заслужил ли я даже эту жизнь?

Золотым октябрем все деревья — успешные алхимики.

Человека, его тетради, посаженные им деревья — все в печку. Правы были, в начале был огонь. Что-то же сейчас в нем новое родится.

Октябрь ночью на даче, когда все разъехались, ни окна, ни огня. Вот он космос, как котенок руку подпускает.

Нет никакого «мы». Пока есть смерть. Ее кавычки-тиски. Человек — заключенный на свидании, отсюда и мысли о рае, освобождении.

Амбивалентно пришел в критику. В самом чистом («максималистском», в переводе с языка взрослого) детстве ненавидел все эти предисловия к книгам, объясняющие автору и мне, что он хотел сказать, а я услышать (возможно, ибо тогда не было Беньямина, а были советские изводы), но — интересовался только и навсегда литературой.

С нами случился Сургут.

Ни у каких вечных любовников нет таких интимных отношений с ночью, как у бессонника обыкновенного. Чоран, святой покровитель бессонницы, знал и черпал, собирая фиалки премудрости на склонах ада.

Вообще самые радикальные философы XX века — самые тихие. Он, перехристианившая Христа и уморившая себя из солидарности с болью мира и из отвращения даже к такой своей привилегии, как возможность еды, Симона Вейль, говоривший о невозможности речи Витгенштейн... А все эти выбегающие на карнавал в костюме сумасшедшего бить в жестяную посуду Камю и Жижеки как раз и канули в тишину. Ницше и Бодрийяр хоть яркими колумнистами журнала *Madness Today* были.

Это как эволюция японской эстетики. От увидеть весь дзэн в самом невзрачном цветке в канаве у тракта Эдо-Хоккайдо до с соской во рту и в женском платье кончать с собой на биеннале.

Ягоды калины — кроветворение солнца.

«Над белым прудом
Пролетали дикие птицы.
По вечерам с наших звёзд веет ледяной ветер».
Играет Сибелиус (хочется продолжить Тракля).

Обсыпан прахом умерших, как перхотью. И столько должен даже себе.

Красив воздух растворенья!

Сломанные и собранные люди, разбитые, подбитые, разобранные люди.

Загребское кладбище Мирогой — балканский Пер-Лашез, со всей эклектикой, от минимализма надгробий obitelji до греческих скворечников или даже надгробий в духе братков 90-х. Кейдж и Кустурица, только без толп и хайпа. Березки и солнце аллеи. Мое лицо мне тяжело, а тут спускается и поднимает. Скульптура умершей в виде Пьеты, но с распахнутыми настезь коленями — фото в духе того, что сейчас постит Аристакисян, евреек перед Аушвицем, «невыносимая красота».

Человеческие тени
Тихо пляшут на заре
Мы устали, мы искали,
Горевали о земле.

«Перед картиной Рембрандта (из тех, что он писал в конце жизни) наш взгляд тяжелеет, становится немного бычьим». Ж.Жене, «Рембрандт».